

РАЗГОВОР ШЕЛ О ФАНТАСТИКЕ

Кобо Абэ известен советскому читателю по фантастической повести «4-й ледниковый период», вошедшей в «Библиотеку современной фантастики», и по роману «Женщина в песках», опубликованному в журнале «Иностранная литература» № 5, 1966 г. Во время своего пребывания в СССР Кобо Абэ посетил нашу редакцию. Разговор шел о том, что такое фантастическая литература, каково ее прошлое, настоящее и будущее.

Мы попросили Аркадия и Бориса Стругацких прокомментировать состоявшуюся беседу.

— Нет, я не считаю себя фантастом,— сказал Кобо Абэ,— более того, я не считаю, что фантастику следует особенно выделять как жанр или вид литературы. Фантастикой для меня является любое литературное произведение, в котором автор исходит из какой-то априорно выдвинутой гипотезы. Вообще такие произведения характерны для нового времени, но сам прием выдвижения гипотезы восходит к Аристофану, Лукиану, Свифту, Сервантесу. Отграничить то, что вы называете фантастической литературой, от остальной литературы слишком сложно. Конечно, если имеются в виду хорошие фантастические произведения — и прежде всего потому, что всякое хорошее фантастическое произведение непременно проникнуто духом гуманизма, свойственным хорошей литературе вообще. Вся литература ведет свое начало от мифологии, а мифология сродни современной фантастике, я бы назвал ее древнейшей фантастикой — литературой, исходящей из гипотезы существования богов. Современная же фантастика как литература гипотезы это по сути — мифы, в которых боги умерли. С другой стороны, «Фауст» Гете, «Божественная комедия» Данте, «Нос» Гоголя тоже можно без всякого сомнения причислить к фантастике в широком смысле слова. Я хочу сказать, что современная фантастика не обязательно должна отражать научные факты, она должна стоять на позициях современного научного мировоззрения. Если же ограничить фантастику требованием отражать только научные факты, то от нее придется отлучить целый ряд интереснейших произведений, не говоря уже о ценнейших литературных традициях. Поэтому, повторяю, для меня и не существует фантастики как изолированного вида литературы. Поэтому я не могу сказать, что я фантаст только потому, что написал «4-й ледниковый период». И «4-й ледниковый период», и «Женщина в песках», и последние мои вещи — «Чужое лицо» и «Почти человек», — как бы формально они ни различались между собой, написаны в одном ключе, с единой писательской позиции.

Точка зрения Кобо Абэ весьма характерна, хотя, к сожалению, лишь немногие у нас и за рубежом разделяют ее сознательно. Когда речь заходит о фантастике, большинство людей, даже образованных и полагающих себя культурными, вспоминает прежде всего бессмысленные сражения космонавтов с чудовищами, тягучие и нудные описания устройства несуществующих механизмов, косноязычные пустые диалоги псевдоученых с псевдошпионами, перманентную безвкусицу и фальшь в описании человеческих отношений и прочие атрибуты халтуры. Забывают про фантастическую сатиру Свифта, Гоголя и Салтыкова-Щедрина, забывают, что фантастику писали Уэллс, Чапек и А. Толстой, не знают о существовании Брэдбери и Лема. А между тем точка зрения Кобо Абэ бесспорна: настоящая хорошая фантастика пронизывает большую литературу на всем протяжении ее истории. До Уэллса литература использовала прием введения фантастического элемента для постановки и решения классических проблем

взаимоотношений человека и общества. Фантастический гротеск и фантастическая символика верно служили Рабле и Вольтеру, Бальзаку и Франсу. И вот надвинулся двадцатый век, чреватый невиданными социальными потрясениями и новой научно-технической революцией. На рубеже веков в фантастику вошел Г. Дж. Уэллс. Как ученый — он догадывался, как писатель — он предчувствовал. Он стал родоначальником совершенно новой традиции использования фантастического приема. Мало того, что в уравнениях классической литературной проблематики он заменил чародейство естествознанием, — он еще и показал, что перед литературой вырастают новые проблемы, ставить и решать которые ей придется отныне почти исключительно с помощью фантастики. Он словно предвидел, что наступит время, когда будущее перестанет быть чем-то неопределенным, перестанет неясно маячить за далеким горизонтом, а придвинется вплотную к сегодняшнему дню. Может быть, не все еще это понимают, но бешеное развитие науки уже поставило нас лицом к лицу со всеми мыслимыми и немислимыми следствиями такой ситуации. Достаточно сказать, что уже сегодня ученые могут послать в космос сигнал о существовании нашей цивилизации и получить ответ. По-видимому, только с помощью фантастики литература может сделать подобные новые проблемы, вставшие перед человечеством (а имя этим проблемам — легион), частью мировоззрения читателя. Именно поэтому фантастика в шестидесятых годах двадцатого века приобретает исключительное значение. Герой «4-го ледникового периода» Кацуми стал жертвой несоответствия своего мировоззрения новому времени. Как мещанин по воспитанию, он весь принадлежал прошлому; как гениальный ученый, он активно приближал будущее и погиб потому, что был не в состоянии представить себе это будущее иначе, чем повторением прошлого.

— Я, пожалуй, согласен с такой трактовкой моей повести, — сказал Кобо Абэ. — Но, кроме того, мне хотелось показать, сколь сложна и запутанна связь между технологией и идеологией. В условиях такой сложности субъективные устремления человека сплошь и рядом вступают в противоречие с объективными результатами его деятельности. Это всеобщая трагедия, характерная так или иначе и для капиталистических, и для социалистических стран. Но несмотря на это (а может быть, и благодаря этому) поступательный ход истории не тормозится и не прерывается.

Если говорить о возможности предвидеть будущее, то будущее, конечно, может быть познано и должно познаваться. Но для загляда в будущее нужна смелость. Человеку будущего его время может казаться прекрасным, но обыкновенному человеку сегодняшнего дня оно наверняка представилось бы мало подходящим для привычной жизни. Наши представления о будущем слишком ограничены и консервативны. Чтобы смело смотреть в глубину времен, мы должны решительно отказать от этих представлений, набраться мужества «оторваться от земли». Ребенок, еще не научившийся ходить, ползает на четвереньках, ему невыразимо страшно подняться на ножки и сделать свой первый шаг. Мы очень любим свою сегодняшнюю землю, нас радует, что мы твердо стоим на ней обеими ногами, и мы безумно боимся оторваться от этой привычной опоры, от всего привычного, милого нашему сердцу. Некоторые критики имеют обыкновение писать, что тот или иной роман плох, потому что автор якобы нетвердо стоит на земле. Такие критики напоминают мне ребенка-ползунка. Чтобы встретить будущее, мы должны быть готовы отрешиться от привычных представлений.

Это суждение Кобо Абэ находится в прямой связи с его словами о невременном (и трагическом) несовпадении субъективных намерений с объективными результатами. История знает, что каждое поколение стремится построить будущее в соответствии со своими идеалами настоящего. Однако ни одному поколению не удалось законсервировать свое настоящее. И чем активнее были попытки законсервировать действительность, тем грандиознее оказывались социальные взрывы, переводившие общество на новые ступени истории, тем больше оказывался разрыв между реально наступившим будущим и будущим, каким его пытались представить, тем больше углублялась пропасть между новыми и старыми философско-моральными представлениями. Любопытный пример по этому поводу приводят Пауэлс и Бержье в своей книге «Утро магов». Если бы в наши дни воскрес рыцарь-монах, участник крестовых походов, и если предположить, что ему удалось разобраться хотя бы самым поверхностным образом в условиях нашего сегодняшнего существования, его поразили бы не автомобили и самолеты, которые он считал бы обыкновенным чародейством; не моды и странные обычаи, которые он бы, преодолевая известное отвращение, смог бы в конце концов перенять; и даже не космические перелеты, которых он бы просто не понял. Больше всего его поразило бы то обстоятельство, что христианский мир, располагая смертоносным, неотразимым ракетно-ядерным оружием, поистине воплощающим гнев божий, до сих пор не обрушил это оружие на головы нечестивых, дабы отобрать у них гроб господень. Со времен крестоносцев прошло восемь столетий. Но не покажутся ли столь же нелепыми некоторые наши нынешние представления о целях жизни уже через несколько десятков лет? Сегодняшний человек должен иметь это в виду, должен внимательно следить за появлением и развитием новых тенденций и тщательно учитывать все то новое, из чего складывается фундамент грядущего. Материальной составляющей этого фундамента является, по сути, технический прогресс.

— В Японии часто можно услышать, что технический прогресс вреден для человечества, — сказал Кобо Абэ. — Зачастую высказываются опасения, что дальнейшее

развитие техники приведет к деградации человека, человек перестанет мыслить, вычислительные машины настолько облегчат его жизнь, что ему вообще не придется работать, в том числе и творчески. Раньше продавцы японских магазинов пользовались обыкновенными счетами и делали это удивительно ловко. Сейчас везде появились портативные счетные машины, и многие спрашивают: «Зачем эти машины? Продавцы прекрасно управлялись со счетами. Не превратятся ли они теперь в механические придатки своих машин?» Я решительно не разделяю этих опасений. До последних лет человеку приходилось «вручную» производить невероятное количество вычислений. Теперь это делает машина, и она действительно успешно конкурирует с человеком в способности давать быстрый и точный результат. Но программу вычислений ей дает человек, и вот здесь уж ни о какой конкуренции не может быть и речи. Машина бессильна сама себя программировать. Так что произошла попросту переоценка ценностей. Человек перестал цениться за то, что умел выполнять функции машины, теперь его ценят за то, что он умеет управлять этой машиной. Человек из счетчика превращается в изыскателя. Впрочем, это только мое мнение — в японских газетах часто высказываются противоположные суждения.

Тот аспект технического прогресса, о котором говорит Кобо Абэ, действительно не вызывает беспокойства. Теперь уже ясно, что человеку просто не удастся стать механическим придатком умной машины. Опыт показывает: чем умнее машина, тем более квалифицированным, более творческим работником должен быть ее хозяин. Однако у проблемы технического прогресса все-таки есть несколько опасных аспектов, и один из них, едва ли не самый важный, это вопрос о свободном времени. Вследствие технического прогресса количество свободного времени у любого участника производственного процесса будет неуклонно возрастать. Это обстоятельство оборачивается благом для человека разностороннего, интересующегося миром, творчески настроенного, которому никогда не хватает времени и никогда не бывает скучно; но это же обстоятельство грозит разрушить мораль человека ограниченного, невежественного, не знающего и не признающего иных способов времяпрепровождения, чем примитивные развлечения. Поэтому вопрос о воспитании творческого человека, вопрос о воспитании Человека в человеке стоит сейчас особенно остро.

В разрешении этого вопроса роль литературы огромна. И нельзя не согласиться с тем, что огромна, в частности, роль настоящей фантастической литературы, которая по самому своему существу является антимещанской и антиконформистской, учит читателя думать, будит его воображение, внушает ему, что мир сложен, интересен и требует его, читателя, постоянного и активного вмешательства.

Писатели-фантасты не могут пожаловаться на невнимательность советских читателей. Книги зарубежных и отечественных авторов раскупаются с молниеносной быстротой, многие сразу становятся библиографической редкостью, в библиотеках за ними выстраиваются очереди. Ученые и студенты, старшеклассники, квалифицированные рабочие и сельская интеллигенция являются жадным, благодарным, умным потребителем этого вида духовной пищи. Армия читателей, воспринимающих фантастику как серьезную, жизненно необходимую литературу, велика и растет в Советском Союзе с каждым годом.

— Идеальный читатель фантастики — это читатель, свободный от догматического восприятия действительности, читатель с хорошо развитым воображением, — сказал в заключение Кобо Абэ. — Я от души завидую советским фантастам, имеющим у себя на родине такую широкую читательскую аудиторию. В Японии за последние годы интерес к фантастической литературе тоже значительно вырос. Впрочем, точнее будет сказать, что намечается тенденция роста, поскольку о значительных количественных изменениях говорить пока не приходится. Кроме того, эта тенденция относится не только к фантастической, но и ко всей современной литературе в целом. Но так или иначе, этот факт радует. Я думаю, что в СССР интерес к фантастике первоначально тоже проявлялся лишь в виде подобной тенденции, которая в дальнейшем привела к количественному росту читательской аудитории. Сейчас в Японии огромной популярностью пользуется русская классическая литература. Можно предположить, что эта популярность распространится с течением времени и на советскую фантастику, которая, как и вся советская литература, стремится продолжать традиции русской классики.

Беседа продолжалась три часа. Конечно, это слишком мало (особенно если учесть трудности, связанные с языковым барьером) для того, чтобы хорошо узнать человека, озабоченного судьбами мира. Хотелось бы продолжить личные контакты, хотелось бы прочесть больше его книг, особенно его последние произведения — роман «Чужое лицо» и фантастическую сатиру «Почти человек». И все-таки начало узнаванию положено. Главное мы уже знаем: в далекой Японии живет и работает талантливый, умный писатель, гуманист, друг нашей страны и нашей литературы, соратник в трудном деле познания современности.

А. СТРУГАЦИИ, Б. СТРУГАЦИИ

